

ГЕРОЙ ТЕРПѢНІЯ.

Военно-психологическій этюдъ ¹⁾.

На войнѣ есть герои, память о коихъ должна быть сохранена въ назиданіе потомству и дѣла ихъ повѣданы міру. Не думаю, что объ истинныхъ герояхъ войны всѣ знали. Нѣтъ. Истинныхъ героевъ, героевъ скромныхъ, скрытыхъ, ничего о своихъ подвигахъ не говорящихъ и признающихъ свое геройство за должное, за свою простую обязанность, мы не знаемъ или же знаемъ очень мало. Если иногда и, чаще всего, мы еще знаемъ героевъ безстрашія и смѣлости, то рѣдко, весьма рѣдко, чтимъ героя терпѣнія.

Эти герои простые, незамѣтные, насъ съ виду не поражаютъ и мы объ нихъ не говоримъ. А между тѣмъ это герои высшаго порядка.

Мы знаемъ героевъ *храбрости*, лицъ обнаруживающихъ безстрашіе и неустрашимость передъ явной опасностью. Знаемъ героевъ *смѣлости*, лицъ, имѣющихъ упорную внутреннюю силу рѣшиться что нибудь предпринять или претерпѣть до высшаго предѣла вмѣстѣ съ опасностью. Мы прославляемъ героевъ рѣшительности, способныхъ не колеблясь среди опасностей быстро предпринимать рѣшеніе. Хвалимъ героевъ *хладнокровія*, лицъ значительно сохраняющихъ самообладаніе и спокойствіе передъ внезапными или продолжительными опасностями. Но, меньше мы знаемъ героевъ *тер-*

¹⁾ Доложено въ отдѣлѣ Военной психологіи при Обществѣ ревнителей военныхъ знаній 8-го ноября 1909 г.

тнiя, героевъ, имѣвшихъ въ той или другой мѣрѣ всѣ перечисленные выше воинскiя добродѣтели и, кромѣ того, выказавшихъ *безропотное перенесенiе тяжестей и страданiй* душевныхъ и тѣлесныхъ¹⁾.

Эти герои насъ не поражаютъ эффектомъ храбрости, а между тѣмъ они самые цѣнные герои для военнаго дѣла.

Терпѣть голодь, холодъ, жажду, жаръ, изнуренiе, раны, болѣзни и т. п., терпѣть безропотно и сохранить во все это время воинскiй духъ, жажду борьбы, стремленiе исполнить свой воинскiй долгъ до послѣдней капли крови, вотъ геройство не быющее на эффектъ, но истинное.

Когда воинское мужество проявляется въ храбрости, смѣлости, хладнокровiи или терпѣнiи, или когда оно вытекаетъ изъ преданности своему служебному долгу и заслуживаетъ того, чтобы было переданнымъ въ поученiе потомству, такое воинское мужество и называется геройствомъ.

Героизмъ, военнымъ героизмъ, называютъ то лицо, которое проявило на войнѣ какой-либо видъ мужества (храбрость, смѣлость, рѣшительность, самообладанiе, терпѣнiе и т. п.), достойный того, чтобы проявленный подвигъ былъ переданъ потомству въ поученiе и назиданiе.

Нашъ герой, *герой терпѣнiя*, простой рядовой 35-го пѣх. Брянскаго полка Иванъ Ющенко.

Во время Русско-Японской войны, 28 го iюля 1904 г. привели въ нервное отдѣленiе Харбинскаго своднаго № 1 госпиталя рядового Ивана Ющенко. Онъ былъ доставленъ съ позицiй въ Харбинъ санитарнымъ поѣздомъ; какъ нервно-разстроенный, бывший не въ своемъ разсудкѣ, Ющенко былъ привезенъ въ сопровожденiи двухъ солдатъ.

Прибывшiй Иванъ Ющенко былъ роста выше средняго; истощенный; ходилъ слабо, шатаясь въ стороны; при ходьбѣ ноги подгибались и чтобы не упасть, онъ инстинктивно хватался за кровать или опирался на стѣну. Мышцы лица расслаблены; ротъ полуоткрытъ и углы рта понижены. Глазныя щели расширены; глаза навывкатъ. Говорилъ слабо, шопотомъ. Рѣчь его при разговорѣ часто прерывалась отъ частоты дыханiя (вмѣсто нормы 18 въ мин., 36 въ мин.).

¹⁾ Опредѣленiе видовъ мужества и геройства приведено по «Военна Педагогика». Кирковъ. Софiя, 1900 г.

На ногахъ ссадины и язвы. Ребра выступали наружу. На правомъ боку около 9-го ребра засохшая ссадина—слѣдъ удара прикладомъ ружья при поимкѣ его японцами. Психическаго расстройства въ данное время поступавшiй не обнаруживалъ; но онъ былъ нервно-больнымъ вслѣдствiе сильнаго истощенiя.

О себѣ Ющенко передалъ слѣдующее: «Мнѣ 30 лѣтъ; я крестьянинъ Полтавской губ. Кременчугскаго уѣзда, женатъ; есть дѣти. Взять изъ запаса при мобилизаци. Всегда былъ здоровъ; никогда ничѣмъ не хворалъ; ѣхалъ на войну охотно. Трусить или бояться, какъ бываетъ иногда у другихъ, я не зналъ. Мнѣ было нестрашно и среди огня, и среди штыковъ. Да и чего бояться! Убьютъ — пострадаю за Царя и Вѣру; быть можетъ Богъ и грѣхи проститъ; живъ останусь—слава Богу. Былъ во многихъ стычкахъ и сраженiяхъ; Богъ до сего времени хранилъ; я не раненъ.

6-го iюля вмѣстѣ съ другими товарищами полка былъ лицомъ къ лицу съ японцами; отражали ихъ наступленiе. Подъ вечеръ узнаемъ, что насъ японцы окружили. Что дѣлать? Мы бросились съ оружиемъ назадъ, но были отбиты; неудалось уйти.

Приходилось сдаваться въ плѣнъ. Позоръ для солдата сдаваться! Я не знаю какъ другiе, но я не перенесъ позора. Бросился бѣжать впередъ, куда глаза глядятъ. Что будетъ, то будетъ. И попалъ въ рѣку. Рѣка оказалась не глубокая; я ее пробѣжалъ вбродъ и юркнулъ въ кусты. Но не смогъ я уйти. Японцы побѣжали за мной, поймали меня въ кустахъ и повели обратно. Дорогой, когда я вновь хотѣлъ отъ нихъ увернуться и бѣжать, одинъ изъ японцевъ ударилъ меня прикладомъ ружья въ правый бокъ. Отъ боли захватило дыханiе и я сѣлъ. [Взяли меня тогда подъ руки и повели. Привели въ лагерь. Толкнули въ первую попавшуюся палатку и въ ней оставили. Палатка была русская, оставленная послѣ боя. Въ ней всюду валялись сумки, ремни, сапоги и т. п. Очистили одинъ уголь и отвели его мнѣ. Въ палаткѣ при мнѣ японцы что-то балакали между собою, разводили руками и, наконецъ, ушли. Остался въ палаткѣ я одинъ, а у входа на караулѣ старый японскiй солдатъ. Караульный солдатъ безъ ружья съ однимъ кинжаломъ за поясомъ сидѣлъ и все время глядѣлъ на меня. [Посидѣлъ я; потомъ легъ. Лежу и думаю, убѣгу; во что бы то ни стало убѣгу. «Лучше умереть, чѣмъ жить въ плѣну». Однако, караульный японецъ зорко смотрѣлъ въ мою сторону, не сводилъ съ меня своихъ глазъ. Легъ я; закрылъ глаза; лежу не шелохнувшись, какъ бы

ушнудъ, а самъ поглядываю, слегка открывая вѣки. Японецъ сидитъ и, не сводя глазъ, на меня смотритъ. Цѣлую ночь онъ сидѣлъ и смотрѣлъ, а я на него исподтишка посматривалъ. Прошла ночь. Наступило утро. Къ обѣду принесли какія то лепешки. Я не ѣлъ. Окончился день и опять наступила ночь. Я рѣшилъ: убѣгу, во что бы то ни стало, убѣгу въ эту ночь. Легъ спать. Лежу и не шевелюсь, притворяясь спящимъ. Караульный японецъ уже другой, также съ кинжаломъ и безъ ружья, сидитъ при выходѣ изъ палатки и смотритъ на меня. То посмотритъ, то вдругъ задумается.

Полночь. Я давно лежу, не шевелюсь и, будто, сплю. Приоткрывъ глаза, я вижу: японецъ повернулся ко мнѣ спиной и сидитъ, склонивъ голову; о чемъ-то думаетъ. Я рѣшилъ не медлить; рѣшилъ пользоваться случаемъ и бѣжать. Я мигомъ вскочилъ и бѣгомъ вонъ изъ палатки. Караульный хотѣлъ было встать и повернуться ко мнѣ, но не успѣлъ онъ еще и встать, какъ я толкнулъ его носомъ впередъ, а самъ скорѣе бѣгомъ, безъ оглядки, къ рѣкѣ. Перебрелъ ее; забѣжалъ на сопку, которая была близъ рѣки; забился въ траву; ноги зарылъ землей, а голову положилъ межъ корней и легъ. Слышу бѣгаютъ японцы, гогочутъ; какъ кулики перекликаются и ищутъ. Но скоро все стихло. На утро вижу—японцы ходятъ по сопкѣ туда-сюда и все смотрятъ въ траву. Ходили, долго ходили, нѣсколько разъ прошли мимо меня, меня не нашли. Встать не смѣю, боюсь; думаю, пойду, увидать и поймають. Лежу я тутъ день, лежу другой, лежу и третій. Слышу все ходить кругомъ и свистять. Голову поднять боюсь, казалось увидать.

Ѣсть пока не хотѣлось, но пить...., пить хотѣлось ужасно. По утру, когда на листьяхъ роса, я робко ловлю мокрые листья и сосу. День... Солнце палитъ. Жаръ, кажется, какъ въ печи. Пить хочется невыносимо; пить нечего.... и я, хоть бы скольконибудь утолить жажду, пилъ свою мочу...

На 4-й день рѣшилъ, быда не была! пойду дальше. Рѣшилъ оставить свое первое мѣсто и идти по направленію къ своимъ. Пошелъ я робко межъ травой. Не столько шелъ, сколько ползъ. Гдѣ слышалъ шумъ или шорохъ, сейчасъ же притаивался и лежалъ, не шевелясь, пока все не стихало. Шелъ я больше ночью, а днемъ лежалъ. Долго плелся я. Сколько дней, не упомню. Казалось дней 10, а можетъ быть и больше. Теперь ужъ и Ѣсть хотѣлось страшно, а

Ѣсть было нечего. Ягодъ нѣтъ, фруктовъ на деревьяхъ нѣтъ, а Ѣсть...., Ѣсть хотѣлось все сильнѣе и сильнѣе. Бѣда всему научить. Сталъ я вырывать травку и жевать корешки. Корешки были то горькими, то кислыми—противными до рвоты. Между ними къ счастью нашелся корешекъ трехлистной травки, не горькій, а возьмешь въ ротъ—холодноватый. Приятно утолить хотя бы немного жажду и утишить голодь. Погода стояла жаркая. Въ воздухѣ духота. Пить хотѣлось нестерпимо, Ѣсть также. И я радъ, очень былъ радъ, когда среди травы находилъ трехлистку. Возьмешь въ ротъ, пососешь, на языкѣ холодногато, потомъ разжуешь и проглотишь. Все жъ, какъ будто поѣлъ. Долго шелъ я такъ, и казалось далеко. Всюду видѣлъ стоять невдалекѣ часовые японцы и между собою, какъ кулики, перекликаются. Идти прямо боялся, чтобы не попасть японцамъ. А потому брелъ по сторонамъ, дѣлая большіе обходы, идя согнувшись, а по мѣстамъ ползкомъ на животѣ. Подъ конецъ я истощалъ. Идти, ползти не стало силъ. Рубашка и кальсоны совсѣмъ продрались. Кожа на тѣлѣ поцарапана колючками и изъѣдена комарами и мошкой. На ногахъ язвы отъ укуловъ и ссадинъ. *Въ глазахъ стало туманить. На уши сталъ ложиться.* Въ тѣлѣ появилась разбитость и безсилье. Идти впередъ не хватало больше силъ. Сдаваться японцамъ не хотѣлъ. И вотъ я сталъ думать о смерти. Думалъ, что скоро умру и молилъ Бога, объ одномъ молилъ, чтобы могъ умереть среди русскихъ. Идти дальше я уже не могъ. Лежалъ я на сопкѣ совсѣмъ слабый; ни воды для питья, ничего для ѣды; ходить искать трехлистку я не могъ. Лежалъ я и ждалъ смерти...

И вотъ, какъ бы сквозь густой туманъ, увидѣлъ я, что внизу сопки по дорогѣ ѣдутъ на лошадяхъ верхомъ солдаты; показалось русскіе. Съ радости закричалъ; собралъ я послѣднія силы и бросился бѣжать бѣгомъ подъ гору. Что было дальше—ничего не помню....»

Такимъ образомъ, это было *разстройство психики отъ истощенія*. Сопровождавшій больного въ госпиталь казакъ дополнилъ печальную повѣсть заболѣвшаго.

«Ѣхали мы развѣдомъ въ развѣдку между сопокъ по дорогѣ и ежеминутно ожидали встрѣтить японцевъ. Вдругъ видимъ, бѣжить съ горы совершенно голый человѣкъ; бѣжить и что-то непонятное кричитъ. Не добѣжавъ до насъ, онъ споткнулся, упалъ,

силится вновь подняться, но видимо подняться не могъ. Худой, весь голый, исцарапанный, глаза на-выкатъ; лежалъ и что-то бормоталъ.

Нашъ русскій солдатикъ съума сошелъ, подумали мы; остановились; подошли къ нему ближе, прислушиваемся, говорить весьма невнятно, шопотомъ, о чемъ говорить понять трудно. Видимъ, отоцалъ. Дали немного пить; немного поѣсть. Подняли его. Онъ самъ подняться не могъ. Посадили на лошадь и привезли въ свой подвижной лазаретъ. Никого не узнавалъ. Что онъ теперь уже у русскихъ, а не у японцевъ, онъ не понималъ. Онъ все порывался встать и идти. Почти постоянно бредилъ японцами: «японцы...», «свиетять японцы...» Здѣсь, въ подвижномъ лазаретѣ, полежалъ денекъ. Поили, кормили, одѣли.

Изъ нашего лазарета отвезли его въ санитарный поѣздъ и теперь доставили его сюда въ нервное отдѣленіе. Мы ѣхали 5 дней. Последніе три дня въ поѣздѣ сталъ приходить въ себя и рассказывалъ какъ и сегодня: кто онъ? откуда? гдѣ былъ? что съ нимъ случилось? Только говорить очень тихо и ѣсть мало».

«Теперь я знаю, что я у своихъ русскихъ, продолжалъ свой рассказъ Ющенко; меня привезли въ Харбинъ лечиться. Я вылъчусь скоро... и опять пойду туда же... Я еще покажу имъ»... Поднимаетъ вверхъ кулакъ истощенной руки и грозитъ... японцу, которому онъ еще покажетъ... И дѣйствительно, злобная угроза невидимому японцу, энергія, стремительность, хотя физически и слабого, указываютъ, что Ющенко духовно еще не побѣжденъ. Въ немъ жила жажда борьбы, стремленіе исполнить свой воинскій долгъ.

Во время рассказа этихъ горькихъ событій, у него на груди изъ подъ рубашки выбился повѣшенный на шнуркѣ образокъ. Взглядъ Ющенко упалъ на него. Онъ взялъ въ руку образокъ, поцѣловалъ и тихо заплакалъ. «Я не разставался съ нимъ, говорилъ онъ слабымъ голосомъ. Это было одно у меня утѣшеніе... Я цѣловалъ этотъ образокъ и молился ему, когда шелъ отъ японцевъ и когда думалъ, что умру... и никого не увижу изъ русскихъ...»

По наблюденіямъ въ нервномъ отдѣленіи Харбинскаго госпиталя было видно, что Ющенко надорвалъ свое крѣпкое здоровье. Организмъ его сталъ нервно и физически слабымъ.

14-го августа того же 1904 г. комиссіей врачей онъ былъ признанъ нервно-слабымъ и истощеннымъ и отправленъ домой на поправку. Онъ уѣхалъ скромно и незамѣтно. Думаетъ-ли онъ, что его имя достойно исторіи!

Искренность, простота, отсутствіе рисовки, подтвержденіе событій лицами его видѣвшими; наконецъ сама болѣзнь, какъ болѣзнь истощенія организма, не оставляютъ сомнѣнія въ правдивости случившагося.

Что же мы видимъ? Рядовой Ющенко, преданный своему долгу, не мирится «съ позоромъ для солдата находиться въ плѣну»; бѣжитъ отсюда съ очевиднымъ для него самого рискомъ. Въ стремленіи пробраться къ своимъ русскимъ 18—20 дней остается безъ пищи и питья, утоляя голодъ и жажду росой, своей мочей и корешками трехлистной травки. Наконецъ, отъ истощенія онъ слѣпнетъ, гложетъ, сходитъ съума (психозъ истощенія), но японцамъ не сдается.

До взятія въ плѣнъ Ющенко участвовалъ во многихъ стычкахъ и сраженіяхъ, и всюду былъ *доблестнымъ* воиномъ. Въ послѣдній разъ онъ *храбро* сражался цѣлый день, пока не былъ окруженъ японцами. Когда же былъ окруженъ непріателемъ, онъ съ *полнымъ самообладаніемъ* (присутствіе духа), не колеблясь, *предпринялъ рѣшеніе*—бѣжать (согласно чувству воинскаго долга). Вновь схваченный и избитый японцами, онъ *настойчиво* стремится уйти, считая «*плѣнъ—позоромъ для солдата*». Будучи въ плѣну подъ стражей, на вторую ночь *смѣло* бросается на караульнаго японца и *неустрасимо* бѣжитъ по японскому лагерю въ лѣсъ. *Рѣшается* вынести всѣ невзгоды и лишения, вмѣстѣ съ опасностью, связанная съ побѣгомъ. Сохраняетъ *присутствіе духа* во время побѣга. *Терпѣливо* 18—20 дней переноситъ жаръ, жажду, голодъ, боль физическую, переноситъ *до послѣдней капли* разсудка. Отъ истощенія сходитъ съума. Да и здѣсь, при душевномъ заболѣваніи, онъ *вѣренъ своему долгу*. Онъ рѣшаетъ лучше умереть, чѣмъ сдаться японцамъ. Проходитъ психическое разстройство; онъ физически крайне истощенъ и нервно-слабъ, но онъ *вновь непобѣдимъ*; онъ *грозитъ* «показать японцу...» Духъ его бодръ, хотя плоть и немощна!

Ющенко *безропотно переноситъ* всѣ выпавшія на его долю невзгоды и лишения. Онъ переноситъ не изъ-за славы, не за похвалу, не за награду, но лишь *изъ преданности своему военному*

дому, соблюдая свято свои обѣщанія и исполняя непоколебимо свои солдатскія обязанности.

Да, онъ, рядовой Юценко, истинный герой! Такими героями терпѣнія, героями скромными, незамѣтными и неизвѣстными жива Россія!

Т. Б. Шумковъ.

